

привлечения инородцев этой области к воинской повинности, за исключением бродячих инородцев и всех вообще инородцев, проживающих на территории двух северных округов Якутской области – Колымского и Верхоянского, “ввиду тяжелых экономических условий, сурового климата и крайне редкого населения” (ЦГА Якутии, ф.407, оп.1, д.170, л.6–6 об.).

Проявляя свою заинтересованность в привлечении на военную службу сибирских инородцев, правительство вместе с тем предоставляло возможность представителям инородческих племен получать более широкие знания в военной области. В декабре 1907 г. император Николай II дал свое согласие выделить особые стипендии для казенного содержания и воспитания сыновей тунгусов Забайкальской области в Омском и Хабаровском кадетских корпусах. Но когда в 1909 г. малолеток из инородцев Владимир Абинин попытался поступить в Хабаровский кадетский корпус, ему не удалось успешно сдать экзамен по французскому языку... (ГАЧО, ф.20, оп.1, д.1646, л.2–2 об.).

Таким образом, как правительство, так и местные власти и в XIX, и в начале XX вв. проявляли заинтересованность в расширении контингента новобранцев за счет инородцев Сибири, но далее разработки планов и выяснения отношения самих инородцев к этим планам дело, как правило, не шло.

Д.В. Бугров
Екатеринбург

ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УТОПИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Уходящему в историю XX веку суждено напоминать о себе грядущим поколениям двумя кровавыми рубцами, оставшимися на теле человечества – двумя мировыми войнами. Ни одна из этих войн не явилась для современников неожиданностью. Остановимся же подробнее на первом потрясении, испытанном человечеством, тем более, что к нему Европа шла целых сто лет (от европейского “концерта” держав постнаполеоновской эпохи до оформления противостоявших друг другу блоков, в 1914 г. столкнувшихся в смертельной схватке). Мировая литература конца XIX – начала XX вв. отчетливо провозвестила эту схватку, породив целый жанр, который известный шведский литературовед А. Энгхольм обозначает как “литературная (или воображаемая) война”.

Заметим, что военно-фантастические романы, в немалом количестве появившиеся на рубеже веков, были скорее не романами-предупреждениями (они характерны для более позднего времени, когда человечеством уже был накоплен негативный опыт мировых побоищ), а принадлежали к двум типам произведений жанра “литературной войны” – военно-технические предвидения (пропаганда технических идей, опережавших эпоху лишь на полшага); геополитические размышления (определение литераторами, зачастую имевшими за плечами богатый боевой послужной список, “вероятного противника”, направления главных ударов, прогнозирование итогов войн).

По мнению А.Энгхольма, повествования о “воображаемых войнах” “в большой мере являются отражением той эпохи, в которую были написаны, а также зависят от национальной принадлежности автора”. Писатели же “фиксируют историческую возможность конфликтов между страной автора и ближайшей крупной державой” (так, британские писатели веками развивали сюжеты о воображаемых войнах Британии с Францией, позднее – с Германией; японские фантасты – о войнах между Японией и Китаем, а затем между Японией и США).

Как же зародился и эволюционировал жанр “литературной войны” в России? Отметим, что на развитие жанра непосредственно влияла многоплановость внешнеполитических устремлений Российской империи – амбиции двуглавого орла реализовывались на протяжении XIX – начала XX вв. сразу на трех направлениях: на Западе (Польша, Центральная Европа), на Юге (Балканы, черноморские проливы), на Востоке (Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Поливариантность внешнеполитической активности обостряла проблему идентификации союзников и противников. С кем же Россия – с Европой против Востока, с Востоком против Европы? С Германией против океанских империй Запада или наоборот? Над этими вопросами размышляли в свое время Ф.Достоевский и Вл.Соловьев, Н.Данилевский и К.Леонтьев, В.Брюсов и Ф.Сологуб, В.Верещагин и Н.Гумилев, М.Бакунин и В.Хлебников, К.Бальмонт и В.Розанов, С.Котляревский и А.Куприн, Н.Клюев и С.Франк – и еще очень многие литераторы и философы.

Одной из первых в отечественном литературоведении заметных попыток осмыслить отмеченные выше тенденции в развитии мировой литературы явился труд “Литература и мировая война” О.Цехновицера (1938). Эта работа – пусть очень неполная и тенденциозная – способствовала выявлению жанра “литературной войны”.

Более детальное изучение проблемы позволяет сделать следующий вывод: своеобразными вехами в развитии жанра “литературной войны” для российских авторов послужили

Крымская война (1853–1856), подписание англо-русского соглашения, определившего сферы влияния двух великих держав в Центральной Азии (1907), а также приход к власти в России большевиков (1917).

Если до Крымской войны, в ходе которой Россия волею обстоятельств противопоставила себя Европе, русские литераторы-утописты (Ф.Булгарин в 1828 г., В.Одоевский в 1840 г.) публиковали “ненаправленные” произведения, где будущее России виделось как великое будущее сверхсильной державы, пользующейся высочайшим авторитетом в мире и не имеющей, по сути, явных врагов, то в канун войны и особенно после ее завершения сюжеты становятся куда более воинственными и агрессивными.

Еще в 1848 г. Ф.Тютчев патетически воскликнул:

“Москва и град Петров, и Константинов град –

Вот царства русского заветные столицы...

Но где предел ему? и где его границы? –

На север, на восток, на юг и на закат?”

Автор стихотворения “Русская география” обозначил пределы “царства” семью “великими реками” (Нил, Дунай, Эльба, Нева, Волга, Евфрат, Ганг). Последователи Тютчева, обратившись к жанру “литературной войны”, принялись осваивать эти “пределы”. Наиболее типичны для 2-й половины XIX в. романы А.Канкевича (псевдоним – Беломор; этот бывший морской офицер дважды совершил кругосветное плавание) и Н.Шелонского.

В романе “Крейсер “Русская Надежда” (1887) А.Канкевич описывает то, как в конце XIX в. могучий русский крейсерский флот парализует британскую военно-морскую мощь и торговлю, блокирует Сингапур и Бомбей, в то время как сухопутные войска через Афганистан врываются в Индию, после чего от британской короны отпадают, помимо Индии, еще Ирландия с Австралией. Два года спустя тот же автор в романе “Роковая война 18... года” обратился к русско-турецкому противоборству, увенчав его разгромом турецкого флота и обретением русскими заветных проливов.

У Н.Шелонского (“В мире будущего”, 1892) действие происходит в невообразимо далеком XXIX в., когда Англия, растеряв все свои колонии, погружается в застой самоизоляции, а Россия овладевает Азией (кроме дружественных Китая и Индии), канализируя “желтую опасность” в направлении Южной Америки (перенаселенный Китай с позволения России аннексирует этот материк и тем самым решает все свои проблемы), благо североамериканская цивилизация, страдая излишним прагматизмом, переживает в это время кризис и не может противодействовать проникновению китайцев к югу от США. Затем Россия в союзе с Францией сокрушает Англию и высаживает десант на туманном

Альбионе.

Но в начале XX в., когда становится ясно, что главными противниками России в грядущем столкновении явятся все-таки Германия и Австро-Венгрия, антианглийские мотивы отступают на дальний план.

В любопытном произведении известного правоконсервативного деятеля С.Шарапова “Через полвека” (1902) события разворачиваются в 1951 г.; Россия помогает Китаю отразить германскую агрессию и вместе с Францией успешно воюет против Германии, Австро-Венгрии и Турции (Англия сохраняет нейтралитет). В итоге к России отходит вся территория Польши, к Франции – Эльзас и Лотарингия. Чуть позднее Россия овладевает Константинополем, который становится ее 4-й столицей (после Киева, Москвы и Петербурга); в состав Империи входят Венгрия, Греция, Болгария, Сербо-Хорватия, Румыния.

После 1907 г., принесшего урегулирование англо-русских противоречий, Британия в русских вариациях “литературной войны” превращается уже в союзника.

В 1908 и 1909 гг. выходят в свет романы “Царица мира” и “Цари воздуха” Вл.Семенова, который, как и А.Канкевич, являлся бывшим морским офицером, к тому же испытывавшим горечь японского плена (он участвовал в Цусимском сражении на броненосце “Суворов”).

Может быть, по этой причине Вл.Семенов связал свои надежды не с морем, а с небом – с авиацией, которая, по его мнению, должна выручить Россию и Англию в близкой войне против Германии.

Петр Р-ский в конкретно-техническом романе “Война “Кольца” с “Союзом” (1913) обыгрывает сценарий грядущих битв Антанты с Тройственным союзом: германские войска, быстро мобилизуясь, занимают Варшаву, одновременно продвигаясь на Западном фронте, где их останавливают англо-французы. На море очень удачно действует русский флот, сковавший рейхсмарине, не дожидаясь, пока подоспеет британский ВМФ. На суше русские армии начинают контрнаступление и выходят к Берлину.

После прихода большевиков к власти и выхода России из войны литература исследуемого жанра полностью меняет акценты: она делится теперь уже на советскую и эмигрантскую со всеми вытекающими отсюда характеристиками. Если в большевистской трактовке “литературная война” увязывается с идеей мировой революции – либо европейской, как у видного партийного деятеля Е.Преображенского (“От нэпа к социализму”, 1925), либо азиатской, как у тов.Инкогнито, в котором кое-кто из специалистов склонен узнавать идеолога ВКП(б) Н.Бухарина (“Большевики по Чемберлену”, 1925), то неутомимый П. Крас-

нов, оказавшись в эмиграции, предъявил в романе “За чертополохом” (1927) счет Антанте, бросившей Россию на произвол судьбы. В конце XX в., по Краснову, отданная Европой на растерзание большевикам Россия поднимется из праха и пепла, воодушевленная новым монархом из дома Романовых, вобравшим в себя все лучшее из духовных ценностей православия и восточной премудрости. После реставрации Романовых Россия двинется на Европу, неся на солдатских штыках светлую истину и процветание.

Крайности, как известно, смыкаются – потому-то и едины большевистские авторы с антикоммунистом-белоказак в своем ожидании позитивных перемен в Азии и грядущего натиска России против Франции и опять-таки ненавистной Англии. При этом потенциальным союзником России (советской или же монархической) авторы-антагонисты видят не кого-либо, а Германию. Итог апологетизации континентального союза с Германией на практике хорошо известен: и большевики, и Краснов пошли на сотрудничество с Гитлером (одни – накануне, другой – в ходе второй мировой войны), хотя 1941 год развел их по разным окопам.

А.М. Кручинин
Екатеринбург

ОФИЦЕРЫ 244-ГО ПЕХОТНОГО БОРИСОВСКОГО ПОЛКА В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Рассмотрим на примере резервного пехотного батальона (после мобилизации – пехотного полка) некоторые вопросы о роли офицеров в подготовке кадров резервной пехоты российской армии, в мобилизации на войну и об их участии в боевых действиях в Маньчжурии.

244-й Борисовский резервный батальон входил в состав 61-й пехотной резервной бригады Казанского военного округа и квартировал с 1892 г. в Самаре. После возвращения из Маньчжурии батальон в сентябре 1906 г. был переведен в г.Екатеринбург Пермской губернии.

Для уяснения картины происхождения офицеров, их общего и военного образования взяты данные из послужных списков офицеров как резервного батальона, так и прибывших по мобилизации из различных пехотных полков. Из 69 человек 20,3% происходили из потомственных дворян, 10,1% – из крестьян, остальные – из чиновничества, военных, купечества, мещан и т.д. Из 68 человек имели законченное среднее образование